

Посвящается Террилу Ли Ланкфорду

Воспоминания о прожитой жизни похожи
на сказку.

Неизвестный автор

(1)

Кому сказать, что денек, когда дед потащит меня с сеструхой Лулой на паром, обернет прежние невзгоды безделицей, а судьба сведет меня с карликом-стрелком, сыном раба и здоровенным злобным боровом, не говоря уж о том, что придется мне убивать, а еще я встречу настоящую любовь — да вот ровно так и вышло.

Все началось с оспы. Точно взбесившийся мул, пронеслась она по окрестностям и вконец расвирепела у нашего местечка Задворье. Смерть предстала тут раздутыми гнойными язвами, забрав столько людей, что впору объявлять мор. Наши Ма и Па тоже сгнули, хоть прежде ни дня не болели. Я, напротив, с малых лет хворал, пока не окреп, а Лула всегда была заморышем, но нам обоим тогда почастливилось. В ту пору мне стукнуло шестнадцать, уже складный паренек, а Луле четырнадцать, и она только подходила к зрелости. Сдается, проглядела нас оспа, накинувшись на старших, утопив их в горячке, обернув язвами и залепив горло так, что воздух вырывался с тонким хрипом пробитой волынки.

Джо Р. Лансдейл

Самая жуть была смотреть, как они помирают, не притрагиваясь, чтобы не подцепить заразу.

Оспа рыскала по городку, точно долги собирала. Мертвецы грудами лежали подле домов, их сваливали в повозки, торопясь закопать. Иных, кого не успели опознать, сжигали: путники попадали в городок и умирали, не оставив ни имен, ни сведений, куда направлялись. Наконец шериф Гэстон расставил вдоль дорог вывески с запретом покидать город или войти из риска заразиться.

Находились жители, кто окуривал дома снаружи и внутри, думая отогнать мор, да это не помогало, только из-за дыма больным приходилось совсем тяжело.

Мы жили на выселках, и, как по мне, заразу нам, да и другим, занес жестянщик, значит, в нагрузку к товару из своей тележки. И едва Па, купив сковородку, пожал ему руку, все и случилось. Они с Ма тотчас слегли, хоть сам жестянщик, насколько я смог заметить, разгуливал без единой отметины.

Увидев такое дело, я запряг мула и отправился в город за доктором. Тот приехал, да все его старания были вроде попытки вдохнуть жизнь в нарисованную маслом картину. Как известно, слезами горю не помочь, правда, для очистки совести он дал какие-то пилюли. Через день-другой Ма и Па стало совсем плохо, и я снова поскакал за доктором. Но тот уже сам скончался от заразы, и его закопали, а на могиле кто-то оставил дымящийся горшок. Все так и было, горшок я заметил на кладбище, когда проезжал, а

ЧАЩА

после узнал, кто там похоронен. Не иначе кто-то решил, что дым развеет заразу от трупа. Поди пойми, что людям взбредет в голову, раз уж оспа стольких покосила, а у живых от страха мозги набекрень. Да и сам я был не лучше.

Дома дожидались два трупа и Лула в слезах во дворе, в руке — цыпленок со свернутой шеей. Готовилась стряпать — мертвым уже не поможешь, а живым о еде думать надо. Так мы остались с Лулой на улице, спали и готовили еду под деревом, лишь бы не заболеть. Пока не явился дед проведать Ма и Па. В молодости он сам переболел и выжил, и больше не боялся заразы. Довелось ему побывать миссионером в племени шайеннов, где-то на кряже возле Ветреной Реки, страшно далеко от привычного Западного Техаса. Там вместе с индейцами и подхватил хворь от зараженных одеял, шутки ради оставленных бледнолицыми. Бабушка заболела вместе с ним и тоже поправилась, правда через несколько лет неподалеку от Гилмера в Техасе ее насмерть затоптала корова, которую она пыталась успокоить перед дойкой. Вот так: оспа ее не убила, а корова, не желавшая доиться, сумела...

Бабушку помню плохо. Мне и было всего лет пять, когда скотина ее уделала. А Луле три. Семейная легенда гласит, что дед подстрелил ту корову и съел. Посчитал, видать, что так они расквитаются, ежели убийца пойдет на стейк. Я ни разу не слышал, чтобы он сокрушался из-за смерти бабушки или коровы, но до того дня они с бабушкой уживались отлично, да и с коровой у него прежде не случалось размолвок...

Джо Р. Лансдейл

В день смерти Ма и Па я зашел поглядеть на них, но не приближался и ничего не трогал. Жуткая была картина: тела покрыты волдырями, и там, где их расчесали, из странных круглых дырочек сочилась кровь. Оседлав измученного мула, я поспешил к деду, который жил немного поодаль, а тот надел свой запыленный сюртук и шляпу и поехал следом за мной в своей повозке. Туда он уложил несколько мешков извести, припасенной для сада, и два сосновых гроба, которые заранее сколотил, понимая, к чему идет. Еще собрал несколько дорожных сумок, добавив их к поклаже, но в тот момент я не смекнул зачем, а спросить не додумался — совсем голова шла кругом. Пролети в ту пору мимо свинья с колодой карт в зубах, я и то не удивился бы.

Дед помог выкопать могилы Ма и Па. Потом, не боясь заразы, завернул тела в чистые простыни, вытащил их на улицу, уложил в гробы и засыпал известью. Вместе мы опустили гробы на веревках в ямы. Известь не даст заразе перейти с трупов на живых, заметил дед. Как по мне, шесть футов земли более надежная преграда.

Короче, родителей похоронили, и он, с Библией в руках, прочитал над ними молитву. Не скажу, что это были за псалмы, я был как в тумане, а, глядя на Лулу, любой сказал бы, что бедняжка лишилась рассудка. С той минуты, как я увидел ее с цыпленком, она не сказала ни слова — а цыпленок, в конце концов, упокоился в придорожной канаве. Закончив с молитвой, дед подпалил дом, усадил нас в повозку и

ЧАЩА

тронулся в путь, мой измученный мул тащился следом на привязи.

— Куда мы теперь? — спросил я, оглядываясь на наш горящий дом. Ничего лучше не пришло в голову. Лула все еще молчала, скрючившись в углу повозки. Кто другой счел бы ее немой.

— Ну, Джек, — ответил дед, не повернув головы, — уж точно не обратно в горящий дом. Вы отправитесь в Канзас к твоей тете Тесл.

— Никогда не знала про эту тетю, — внезапно очнулась Лула. От неожиданности я едва не подпрыгнул, да и деда, похоже, она застала врасплох.

— И я совсем ее не помню, — поспешил я добавить.

— Как бы там ни было, поживете с ней, — сказал дед. — Пусть она пока ничего не знает, я предпочел бы не давать ей времени на раздумье. Вот и заявимся как снег на голову. Тем более и я составлю вам компанию чуть позже, чтобы не усугублять ситуацию, так что пусть будет сюрприз. Мне, в сущности, нет дела до Тесл, но твоя мама всегда ее привечала, а беда не выбирает компанию.

— Думаешь, так будет правильно? Заявиться без спросу?

— Может, и нет, — ответил он, — но так мы и сделаем. И вот еще что. Я знал, что нас ждет, и продал весь свой скот, оставил только двух мулов, в придачу мул твоего отца, а у тебя теперь договоры на оба участка, в банке Сильвестера. С этой оспой слишком много суматохи, и я рассудил, что не стоит оставлять

Джо Р. Лансдейл

бумаги в местном банке. И уладил все с законником по имени Коутон Литтл. Он должен продать землю по честной цене, а деньги отдать вам двоим. Понятно, за вычетом его комиссионных. Не знаю, быстро ли он управится, но мой участок стоит хороших денег, если город оживет, а так оно и будет. Да и ваша земля будет в цене, когда оспа уйдет и про умерших забудут. Вы все уразумели?

Мы ответили, что все поняли, правда, Лула снова улетела, что твой воздушный шар. Надо заметить, она всегда была странной, ее занимало, отчего так выглядят облака или почему цвет зеленый, а не другой, и объяснения вроде «так Господь рассудил» ей не годились. Будто она доискивалась до некой подлинной сути. Как говаривал дед, попадись ей дыра в земле, то уж в той дыре непременно кто-то должен сидеть, и забрался туда не просто так, пусть даже теперь никого не видать. И ни за что она не признает, что в дыре может быть пустота, а случись там кто-то, так забрался он без всякого повода.

«Берегись баб, что до всего должны докопаться», — заключал он.

Дальше дед залез в карман и вытащил бумаги, со словами:

— Вот все, что потребуется для земельных дел.

— Не знаю, вернусь ли назад, как доберусь до Канзаса, да и ты можешь там задержаться, но для дел с законником существует почта.

Я взял бумаги, сложил их и засунул поглубже в карман.

— Запомни, это очень важные бумаги, — сказал он.